

КРЕЩЕНСКАЯ СКАЗКА

Сегодня вечером, как и положено в Крещение, в гости пришла сказка. Вернее, ее привела девочка по имени Ира. И неважно, что девочка была взрослой, а сказка настоящей. Думаю, друзья мои, вам уже не терпится узнать, как рождаются сказки. А вот так. Ира повела меня туда, где на январской реке открылась купель. Может быть, сама собой открылась. А, может быть, ее сотворили чьи-то руки. Мы не видели этого. Будем считать, что купель возникла чудесным образом — спустился с небес Ангел, подышал на лед, и вода явилась из-под зимнего гнета. Дохнул второй раз — и возвел над купелью перила, опустил в воду деревянные лесенки. Дохнул в третий раз — и вот на выходе уже расцвел ледяной сияющий крест, а по правую руку — как бы издалека возник храм с серебряными куполами.

Понятно, где крест и храм, там и народ. Люди шли и шли к чудесному месту — кто просто постоять у святой воды, а кто-то и принять Крещение Святым Духом в ледяной проталине. Впервые за всю свою жизнь я так тесно приблизилась к таинству великого праздника. Люди, приготовившись к погружению, раздетые по-летнему, выстроились в большую очередь и медленно продвигались ко входу. Те, кто уже коснулся воды, бесстрашно, даже как-то привычно спускались на дно, погружались в купель и поднимались по ступенькам на лед. Никаких ахов-охов, все чинно, спокойно и торжественно. Мужчины, женщины, дети — все исполняли ритуал, словно ведомые свыше.

Где-то, высоко над рекой, по железобетонному мосту неслись стальные рукотворные создания — автомобили, трамваи. Далеко на набережной горели кружевные фонари. Дальше был виден ночной город, мерцающий рекламными фасадами и окнами жилых кварталов. А на реке тем временем дышал Дух Святой.

О чем думала я, глядя на нескончаемую очередь к ледяной купели? О том, что люди — слабы. Они хотят помочь Божьей в нелегкой жизни. О том, что люди — сильны. Они пришли сюда, чтобы стать еще сильнее, чтобы прикоснуться к Богу,

почувствовать единство с Ним, укрепиться в вере. И много их таких, жаждущих Духа Божьего.

Думала о том, что народ в России — ребенок, верящий в чудо. О том, что народ в России — Воин Духа, и никому не победить его. Что там сейчас выстроено «хозяевами»? Капитализм, олигархизм, плутократия? Паучья система накопления денег в немногих руках? Да бес с ней, с системой! А Бог с народом! Вот эти люди, которым ледяная вода — подарок Божий, пойдут на войну, если не будет другого выхода. И воевать будут героически, не спрашивая — за что им такая судьба. Воевать будут не за систему, а за Землю Русскую. Беда в том, что Землю эту подгребли под себя Соловьевы Одихмантьевичи. Посторонятся они, эти чудища, на время войны, а потом опять — за свое возьмутся! Наивен и свят своей наивностью народ. И прекрасен! Что бы там ни было!

И в подтверждение моих тайных мыслей явилась вторая часть ночной крещенской сказки. На обратном пути мы услышали печальный голос скрипки. Мелодия рвалась к людям из глубин подземного перехода. Там, в еле освещенном туннеле, где стены несли на себе отпечаток «народного творчества», на свистящем сквозняке стоял скрипач. Я приготовилась увидеть одинокого старика, собирающего по крохам на хлеб. Но музыкант был юн и прекрасен — мальчик лет пятнадцати. Миниатюрная скрипка казалась праздничной игрушкой в его мальчишеских руках. Инструмент пел человеческим голосом, голосом ветров и дождей, метели и снегопада. Песнь Природы — классика.

Долго стояли мы возле юного скрипача, слушая его импровизации, наблюдая, как легко смычок подчиняется тонким детским пальцам, как рождается музыка от соприкосновения инструмента и души. Было страшно оставить мальчика одного в холодном переходе. Что значат деньги, положенные в футляр скрипки?! Да. Это поддержка. Но главное — услышать и понять человека. Юного и беззащитного. Талантливого музыканта, зарабатывающего с помощью друга-скрипки на учебу в музыкальной школе. Напоследок мальчик сыграл несколько вещей из репертуара консерватории. Слушательницы покидали подземный переход под солнечную мелодию «Чардаша».

Так древний праздник соединил волшебство январского стояния народа в очередь к святой крещенской купели и образ юного скрипача, спустившегося с небес в подземелье, чтобы петь и плакать о судьбе человека на маленькой планете. Мальчик со скрипкой в руках — Иисус двадцать первого века. Защитник души человеческой.

А Земля тем временем летела в космическом братстве сквозь неизбежное Время, унося людей к новым страданиям, любви и ненависти, в круговорот войн и смертей, в Поток Вечной Жизни.

БЛИННЫЙ ИЛИ БЫЛИННЫЙ (?) ДЕНЬ

Незаметно подкралась Масленичная неделя — метель, снегири, блины, предчувствие весны, хотя морозы и не собирались отступать. Так же незаметно праздничные дни подобрались к последнему — заключительному, воскресному. Проводы Зимы — вот что это было.

Телефон тоже как-то незаметно и тайно записал сигнал — Ира. Это означало, что в воскресный день надо пойти на Проводы Зимы. А когда Ира приглашает куда-то, можно не сомневаться — будет интересно! Ведь Ира — музыкант, она знает, где надо быть, а куда и смотреть не стойт.

Самая красивая в городе площадь названа странным именем — Площадь 9-го января. Конечно, 9-го января — день, записанный в анналах истории. Но все-таки... Назвать площадь поминальной датой расстрела огромного числа людей — это как-то не совсем... Тем более что народ поименовал этот день Кровавым воскресением. По

логике вещей, Площадь 9-го января должна быть мемориалом. Большевики прослыли людьми решительными и долго не утруждали себя раздумьями на неудобные темы. Ну, поминальная дата! Подумаешь! А мы будем на Площади 9-го января жить и веселиться. Со временем политические повороты, катаклизмы, революции и контрреволюции обкатали печальную дату до гладкости морского камешка — все неудобства, которые подсовывала память, стерлись.

Давно выстроен на Площади 9-го января Дворец культуры. Спроси детей, да и взрослых, что такое 9-го января, скорее всего, скажут — последний день новогодних каникул (ну, или что-то подобное). Предлагаю остановиться именно на этом! Тогда для народного гуляния — Проводов Зимы — лучшего места и не найти!

А праздник состоялся и оказался похожим на многоцветное Солнечное Колесо, которое, если присмотреться, можно увидеть в каждом румяном блинчике или большом русском блине. Прикатилось Солнечное Колесо вместе с веселым народом, кучей нарядных детишек, воздушных шаров, с ансамблем тетушек-веселушек в цветастых полушалках во главе с добрым молодцем Петрушкой. И даже смирный пес (про себя назвала его Кузей) пришел с кем-то, и все жался к людям, понимая, что здесь надо вести себя прилично. И понеслась древняя народная, но все равно новая, задиристая да плясовая песня. Энергия Солнца слилась с энергией людей и выплеснулась музыкой, голосами, низовой метелью, которая тоже плясала, разбрасывая серебряные снежные юбки по сугробам. А над миром сияло солнце, и летели быстрые белые облака.

Нарядная кукла Весна, возвышаясь над праздником, танцевала вместе с метелью, поворачиваясь румяным лицом то в одну, то в другую сторону. И только бедняжка Зима, обряженная в домотканую сермягу, стояла неподвижно и печально среди шумного веселья. Я прониклась неутешным одиночеством сиротки Зимы. Мысленно почувствовала ей. И то ли ветерок дунул, то ли показалось, но Зима вроде как махнула обрывком сермяжки в ответ.

— Что ж такое — нарядили, ни за что, ни про что в плохонькое, да еще и сжечь собираются!

— Будем считать, что сгорит не Зима, а темные силы, — успокоила Ира.

И все-таки, как-то так получилось само собой — когда мы ушли погреться в фойе Дворца, именно в это время и было сожжено чучело Зимы. Вышли на свет божий, а Зимы уже и след простыл. Весна-красна красуется среди народа — пляшет с ветром в обнимку, направо-налево поворачивается. Вот так и произошло — пожалела я однокную Зиму, и кто-то добрый отвел глаза от огненной погибели сиротки. Да еще был говорящий Знак. Одна из тетушек-веселушек, пробегая мимо, подарила нам по горсти маленьких румяных сушек — дескать, вот вам, от солнышка привет!

Возвращалась домой и думала — сколько бы противоречий ни приносила жизнь, а итог ее — вот эти подарки от солнца, которые один человек вложил в ладонь другого — то есть, одна душа передала привет другой: «Держись! Земля — не место для печали. Земля — место для работы!»

И это правильно! Душа трудится и на празднике, тем более что славянские Проводы Зимы совпадают с православным Прощенным воскресением. Так что, простите, люди добрые! А Бог простит всех нас!

ПЕРВЫЙ ГОРОДСКОЙ ЧАСТНЫЙ МУЗЕЙ И ТАРАКАЙ

Иногда нечто или некто подкидывают человеку подарки. Ну, наверное, за то, что этот гражданин или гражданка терпеливо живут и что-то пытаются делать, чтобы рядом умножалась гармония. Вот сегодня такой подарок пришелся и мне ко двору.

От сотрудников первого частного музея в городе поступило приглашение на экс-

курсию. «Музей алтайского марала» — так называлась эта организация. Несколько человек — литераторов, и я вместе с ними, отправились на неприметную улочку, где хозяин музея облюбовал старинное купеческое кирпичное здание, отремонтировал его и превратил в музей.

А музей — это всегда интересно. Однако на этот раз там я и нашла тот самый подарок судьбы, который выпадает терпеливцам. Среди прочих экспонатов на стене висела картина. На ней летучими резными линиями с хирургической точностью был изображен шаман-алтаец во время камлания. Изо рта шамана вырывались языки пламени (или космической энергии). Позади клубились века и множественные иные миры. Похож был шаман на горного марала, танцующего на скалах. В одном образе слились воедино шаман — посредник между верхним и нижним мирами, и великий дух оленя. Что-то было написано мелким почерком на нижнем поле рисунка — слева и справа. Оказалось, это стихи, которыми художник всегда сопровождал свои картины.

Занялась поиском в СМИ биографии мастера. Не скоро, но выяснилось, что художник Николай Чепоков — странник. Ни кола, ни двора у него — только вечная дорога. Вот как он сам рассказывал о себе: «Я просто бродяга. Иду себе и иду. Платка — это тяжесть. У меня был кусок целлофана. Его скомкал, в сумку положил — он легкий и места мало занимает. И потом, я же среди бичей жил и живу. Там просто что-то подобное сразу «подрезается». Так что я просто-напросто ложился у костра, целлофаном укрывался и спал. А разжигал костер я вот этими своими работами, потому что бумага-то уже была испорчена! Я берег только чистую бумагу, в целлофан заворачивал, чтобы не намокла. А когда на ней нарисуешь, зачем ее хранить? Но в 2001 году я с удивлением узнал, что кому-то мои картинки могут быть интересны. На Телецком озере живет такой известный там художник и резчик по дереву — Пилипчук. Он увидел мои работы и сразу купил три картинки, аж по 50 рублей. Я так обалдел! Потом подумал: «Ну, художник решил художника поддержать». А через неделю к нему приехали из Москвы друзья. Он меня вызвал и говорит: «У тебя работы есть?» — «Есть!». И его друзья тоже купили. Я их сразу прогулял весело. А через некоторое время приехал в Новосибирск».

Далее была описана обычная история двадцатого века: «Некий господин, новосибирский галерист, предложил скупить у Чепокова работы по символической цене — все, что были у него на тот момент, устроить ему выставку в Швейцарии. Затем работы продать, а выручку поделить пополам. Не надо объяснять, что ни работ, ни денег Николай больше не увидел. Хотя о выставке слышал. Она состоялась в Берне, потом перекочевала в Австрию. Там ее увидела горно-алтайская правительенная делегация. Потом, уже дома, они разыскали Николая, познакомились даже, пообещали, что несколько его работ будут экспонироваться в ООН. На этом все. Николай ушел бродить».

Я представила себе — где-то по неведомым дорогам в горах все еще странствует художник Николай Чепоков, который подписывает свои картины именем Таракай. И никто не знает, где в эту минуту спит гений, прикрывшись куском целлофана. Где и кому оставил он свои «картинки», думая, что вот так, как он, рисовать умеет каждый. Мы не знаем, по каким тропам сейчас бродит Николай Чепоков. Зато потомки будут создавать музеи его имени, пытаться вызволить из-за рубежа ушедшие туда картины самородного гения. И каждая из этих картин будет стоить миллионы долларов. Я была уверена в этом, ибо даже в одном увиденном рисунке была проставлена печать веков.

Еще задумалась о том, почему Таракай живет отдельно от мира, не хочет ни с кем иметь постоянных «заявок». Общение с бомжами — это условность. Среди племени бродяг никто никому не нужен и ничем не обязан. Свобода друг от друга,

свобода от жизни, свобода от смерти. Если человек один на один с природой — он для всех других не существует. Его жизнь не оставляет следа. Смерть — тоже. Но бродяги не чувствуют себя одинокими. Почему? Потому что живут наедине с Богом. Или с чертом. Кто как.

Таракай — творец, посланец Бога на этой земле. Имеющий общение с Богом никогда не предпочтет человека в собеседники. Представьте себе академика, который тратит время на беседы с бактерией. Примерно такая иерархия. Но все это никак не проявляется на уровне сознания. Таракай, в обычном понимании, взрослый ребенок, которого ведет интуиция, а не сознание. Ангел ведет.

Знаю, что многие не согласятся с моими размышлениями. Большинству покажется смешным сравнение Таракая с академиком, а всех прочих — с бактериями. Но согласия и не требуется — это всего лишь мой внутренний монолог, речь, обращенная к себе.

ГЕЙДЕКШТАССЕ

Любила я иногда, возвращаясь домой, сделать крюк — проехать лесным путем, где на входе в оборонное предприятие с некоторых пор была построена маленькая церковь. Скорее, не церковь, а часовня. Я называла ее — храм на Гейдекштрассе.

Улица, на которой находилось оборонное ведомство, так и называлась — Гейдекштрассе, по фамилии бывшего директора, который содержал завод в идеальном порядке. Вокруг сосновый лес — справа и слева, а по просеке проложена улица с трамвайными путями и обычными пассажирскими остановками. Благодаря усилиям директора, не только завод, но и прилежащие территории всегда выглядели сказочно красиво. Кованая ограда была превращена с помощью покраски в бело-синие замысловатые кружева и тянулась вдоль всей лесной улицы. Фонари в стиле готическом освещали асфальтовую проезжую часть и трамвайные рельсы в ночное время. Остановки — игрушечные теремки с деревянными скамейками — казались жилищами лесных гномов.

Давно ушел из жизни бывший директор, а сказочная улица его имени жива и выглядит по-прежнему идеально, словно находится где-нибудь в центре Европы. А теперь ее украсило маленькое небесное чудо — Покровская часовня, которую народ метко назвал «умной часовней». На ее звоннице — семь колоколов. Все они подключены к компьютерной программе «электронный звонарь» и восемнадцать мелодий их задаются с пульта управления.

Тот, кто построил часовню, уже создал свой личный мост в будущее — пусть маленький, но заметную тропинку к Богу (и к людям!), которая проходит и через улицу Гейдекштрассе.

Казалось бы, странное сочетание — оборонный завод и часовня. Однако ничего случайного не бывает, жизнь и смерть всегда рядом, как мир и война. И не просто рядом, но одно проистекает из другого — так велико взаимопроникновение материального и духовного. И что было первично, что вторично — этот вопрос не имеет смысла, ибо все рождается из всего, и все умирает во всем.